

Мой друг богатый человек. Но без «дурости новых русских» и состояние заработал умом, а не расхищением «бывшей государственной собственности». Поэтому к деньгам он относится бережно, хотя на благие дела не жалеет их, утверждая, что «Господь зря ничего не дает»...

Как его зовут? Не в имени дело – есть еще такие богатые в нашей стране... Да и ни к чему подлинные имена в этой истории. О другом я хотел рассказать – о пользе чтения. Поэтому и дальше обойдусь в рассказе словом «друг».

Среди прочих занятий мой друг коллекционирует живопись и графику. Поскольку живем в разных городах, то лишь изредка встречаемся, но я всегда с удовольствием и без зависти смотрю новые приобретения друга. А коллекция серьезная – есть очень интерес-

ные работы российских художников XIX века. Однако, последнее время он стал гораздо осторожнее в новых покупках – доходы немного уменьшились, но основная причина всё же в другом...

Перед всяким серьезным коллекционером, рано или поздно встает вопрос: «А что будет с коллекцией после его ухода»? Вот и перед другом встал такой вопрос. Человек он еще не старый – едва за шестьдесят перевалило – но привык заранее всё обдумывать... Дети равнодушны к увлечению отца, внуки ещё маленькие... Короче, решил друг завещать свою коллекцию родному городу. Вспоминаю об этом потому, что как только он это решение принял, так стал еще разборчивее при покупках. «Не хочу», – говорит, – случайно «сомнительными работами нагрузить коллекцию».

И еще один случай на это решение повлиял. Несколько лет назад на аукционе в одной скандинавской стране за «хорошие деньги» купил он русский пейзаж первой половины XIX века... Атрибуция, провенанс, заключение экспертов – «все как положено», а вот специалисты Третьяковки засомневались в установленном авторстве... Это, конечно, не значит, что работа фальшивая, но сомнения все же остались...

Мы сидели на диване в кабинете хозяина, пили сухое красное вино, разговаривали о живописи Федора Конюхова и о его последнем по времени путешествии, когда раздался телефонный звонок...

Закончив разговор, друг спросил меня: «Сильно торопишься? Поприсутствуешь при одной встрече»?

В тот день я никуда не торопился. Да, и так иногда случается... Оказалось, что моему другу «в порядке частной сделки» предложили купить морской пейзаж Айвазовского, написанный после окончания его ученичества в Императорской Академии художеств... Да-да... работу кисти самого Ивана Константиновича Айвазовского.

Друг мой достал из стола бордовую кожаную папку, вынул ксерокопию заключения эксперта, исследовавшего холст и краски, и передал мне. Все подробности прочитанного перечислять не буду – скажу своими словами только общий вывод: аналогичные краски использовались в Европе и в России в первой половине XIX века, холст мог быть произведен в указанные период...

Я посмотрел фототаблицы, приложенные к заключению эксперта, общий вид картины с рамой и без рамы, снимок оборотной стороны холста, фрагменты картины, подпись автора крупным планом... На фотографии была хорошо различима подпись «Айвазовский» и год под ней – 1839-й...

Провенанс был известен только со слов продавца (он же – посредник): пейзаж написан в Крыму летом 1839 года, когда Айвазовский вместе с русскими отрядами начальника кавказской прибрежной линии генерала Раевского продвигался вдоль побережья Черного моря. Много лет картина хранилась в где-то на Кавказе, а потом – больше ста лет в Москве – в богатой армянской семье. Пейзаж нигде и никогда не выставлялся, в каталогах не отмечен, фотографии картины не публиковались... Сейчас эта семья нуждается в деньгах,

поэтому и продает работу, но тайно, опасаясь преступников, и не желая платить налоги... Ну, что сказать – мотивы вполне понятные и даже разумные... Все это я ус-пел услышать, пока не приехал посредник. Оказалось, что он несколько раз переносил встречу с моим другом, ссылаясь на то, что эксперты еще не закончили исследования, что он задерживается в Париже, что владельцы не согласовали цену продажи и т. п. Примерно через полчаса раздавался звонок входной двери и появился продавец. В кабинет хозяина зашел хорошо одетый мужчина лет пятидесяти на вид, с портпледом в руках. Мы поздоровались... Увидев, что хозяин не один, продавец не смог скрыть своего раздражения. «Мы же договаривались о сохранении в тайне всех условий сделки», – начал он выговаривать моему другу, – Вы же сами знаете, как искусствоведы несдержанны на язык, тем более работа Айвазовского... «Это не искусствовед, а мой юрист и он умеет хранить тайны, некоторые хранит уже сорок лет, – успокоил друг продавца, – сделка серьезная, цена не малая, а прислушиваюсь к его мнению, хотя, конечно, раньше это касалось совершенно иных вопросов... К тому же, он ненадолго приехал в наш город и в другой день мы не могли бы с ним встретиться. А Ваш сегодняшний звонок был довольно неожиданным. Сколько раз наша встреча откладывалась? Хозяин был воплощением доброжелательности, но продавец, те не менее, как писали в старых романах, всё равно остался «в сильном неудовольствии».

«Что Вы закончили, – пытливо спросил он меня. Я честно ответил, что учился в Свердловском юридическом институте и закончил его в далеком 1981 году. Продавец, видимо, еще хотел что-то спросить, однако хозяин предложил посмотреть работу. Несмотря на вежливость, было видно, что ему не терпится увидеть пейзаж. Картина была извлечена из портплекда и распакована...

Небольшой морской пейзаж, деревянная, на вид позолоченная рама, выглядит, как и на фотографии... Я не знаток, но, наверное, такие рамы и делали в девятнадцатом веке... Была ли это работа Айвазовского? Да как же я могу определить это не будучи специалистом по живописи известного мариниста? Картина на вид старая... обычный, как мне показалось издавдалека, морской пейзаж – волны, солнце, горы вдальеке...

Мой друг долго осматривал работу – сначала у широкого окна, потом поднес к столу, включил сильную настольную лампу и достал увеличительное стекло. Гость, расположившийся в кресле у журнального столика, тем временем с любопытством осматривал хозяйский кабинет, стены которого были увешаны работами русских художников дореволюционного периода. Я на своем телефоне просматривал электронную почту и терпеливо ждал развития ситуации.

Наконец, хозяин, поставил пейзаж на стул возле письменного стола, вышел из кабинета и вернулся, держа в руках неоткрытую бутылку вина, блестящий металлический штопор и чистый бокал.

«Армянское коллекционное... из частной винодельни, – пояснил он, – друзья из Еревана две бутылки прислали. Айвазовский был бы доволен, что мы пьем армянское вино, рассматривая его пейзаж». Пока хозяин открывал и разливал вино, я попросил разре-

ния посмотреть картину. Продавец-посредник опять напрягся и нескрываемым подозрением спросил: «Вы же юрист, зачем Вам картину смотреть?»

Я улынулся в ответ: «Да, уже больше сорока лет юрист... И надеюсь, что еще многие годы останусь юристом. Но поддержать в руках работу самого Айвазовского мне никогда в жизни не доводилось... Согласитесь, это может быть интересно даже юристу»... Встав с дивана, я поднес картину к окну и внимательно осмотрел ее. В правом нижнем углу пейзажа хорошо просматривалась подпись «Айвазовский» и дата. При дневном свете картина, на мой взгляд, смотрелась гораздо лучше, чем на фотографии с сильным искусственным освещением. Поставив пейзаж на стул, я вернулся к дивану, на котором уже сидел хозяин. Три бокала на журнальном столике были наполнены, больше чем наполовину, красным вином. – Ну, что же давайте выпьем и поговорим, – сказал хозяин, и бокалы сдвинулись навстречу друг другу. В этот момент зазвонил телефон продавца. Он отставил вино, и достал телефон из внутреннего кармана пиджака. Я посмотрел на хозяина, и чуть-чуть покачал головой из стороны в сторону. Он с удивлением взглянул на меня. Я скосил глаза в сторону картины и еще раз качнул головой, надеясь, что друг поймет мой молчаливый совет не покупать картину...

Продавец в это время, в чем-то убеждал телефонного собеседника, иногда чуть повышая голос, потом извинился и вышел из кабинета, видимо не желая, чтобы мы слушали хотя бы часть его разговора.

Воспользовавшись моментом, я тихо сказал другу: «Если можешь – отложи сделку, я тебе потом свои сомнения выскажу»...

В общем, сделка в тот день не состоялась. Друг сначала просил оставить картину на пару дней для более тщательного изучения. Продавец, предсказуемо отказался от этого, потом они немного поспорили о цене, поскольку за пару дней перед нашей встречей валютный курс изменился, а стоимость в евро была очень-очень даже «не маленькая»... Э-э-э... да, что там говорить – сумма была очень внушительная!

Гость ушел крайне недовольным – похоже, что он очень надеялся заключить сделку именно сегодня. Проводив его, мой друг вернулся, разлил остатки вина по бокалам и выразительно посмотрел на меня, ожидая объяснений.

«За удачу и любовь к чтению», – улыбаясь, сказал я, пригубил вино, поставил бокал на столик, а потом продолжил. – Я действительно не специалист по творчеству Айвазовского, а если уж быть «совсем честным», – тут я снова улынулся – то картину, датированную XIX веком, сегодня первый раз в руках держал. Но ты знаешь, что я всегда много читал... в том числе и биографии художников. И как-то давным-давно узнал из прочитанного, что отец Вани Айвазовского в Крым перебрался вначале XIX из Галиции. Фамилия его писалась тогда, в полонизированном варианте, как Гайвазовский. Сын его – Ованес Гайвазовский – в будущем Иван Константинович Айвазовский – до 1840 года свою фамилию писал также – Гайвазовский. И только позднее, после встречи и долгого разговора с братом-монахом, он стал указывать свою фамилию как «Айвазовский». А встреча

с братом состоялась летом 1840 года в монастыре на каком-то острове в Средиземном море недалеко от Венеции... забыл название. В биографии Айвазовского путешествие в Европу достаточно подробно описано, в том числе упоминается и о встрече с братом. Поэтому еще при осмотре фотографии, приложенных к заключению эксперта, появилось у меня сильное сомнение, что пейзаж, датированный 1839 годом, мог быть подписан именно как «Айвазовский». Я не утверждаю, что это фальшивая работа и что Айвазовский не мог написать ее летом 1839 года в Крыму... Просто предлагаю проявить осторожность и еще раз все обдумать... Да и провенанс какой-то «мутный»... про работу раньше никто не слышал, на выставках никто не видел, то есть, больше 150 лет она нигде не «светилась». Согласись, есть над чем задуматься?

Ну, а пока давай выпьем за книги – источник знания»!

Мой друг, молча, выпил вино, видимо, размышляя над услышанным...